

Востребованность культурологического образования: современное состояние и перспективы

Ю. В. Лобанова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Лобанова, Ю. В.
(2020) Востребованность культурологического образования: современное состояние и перспективы. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 113–118.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-113-118

Получена 13 апреля 2020; прошла рецензирование 13 мая 2020; принята 13 мая 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В данной статье автор говорит о причинах кризиса культурологического образования и возможностях преодоления данного кризиса в условиях формирующегося постиндустриального общества. В частности, подчеркивается, что «золотым веком» в развитии культурологии и культурологического образования стала так называемая перестройка и первое постперестроечное десятилетие. Высказывается предположение, что необходимость в мировоззренческих дисциплинах, формирующих у человека потребность в целостном, системном видении явлений и процессов, возникает в периоды, отличающиеся иррациональностью, переходностью. Когда в культуре утверждается идея порядка, то на смену попыткам обобщить, синтезировать представления о мире приходит тенденция узкой специализации, которая, в свою очередь, связана с преувеличением роли научно-технического прогресса в ущерб установке на гуманитаризацию общества и культуры. Эта опасная тенденция существует и сейчас. Поэтому профессия культуролога в настоящее время не имеет высокого статуса в общественном сознании. Между тем опыт XX века показывает, что узкое, ограниченное, позитивистское сознание людей может привести к глобальным катастрофам. Высказывается предположение, что в обозримом будущем отношение к культурологии может измениться в связи со становлением постиндустриального общества, огромное значение в котором будет иметь широта и эвристичность суждений, способность мыслить стратегически, выстраивать диалог между разными сферами, осознавать специфику культуры. Всеми этими способностями уже сейчас обладают люди, получившие культурологическое образование. Утверждается, что присутствие специалиста-культуролога в образовательной, языковой, экскурсионной, гостиничной, музейной, библиотечной и других сферах может благотворно сказаться на их развитии. Приводится пример того, как при активном участии одной из выпускниц кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена изменился статус одной из библиотек Санкт-Петербурга: из читального зала она превратилась в центр, где происходит «общение с культурой», реализуются многочисленные литературные и художественные проекты. Культурологу присуща способность мыслить на качественно ином уровне, действовать на стыке разных видов деятельности. В постиндустриальном «знаниевом» обществе подобный тип специалиста будет востребован в первую очередь. Выражается надежда на то, что по мере перехода в постиндустриальную фазу отношение к гуманитарной сфере и культурологии неизбежно будет меняться к лучшему.

Ключевые слова: культура, культурология, тенденции, система образования, воспитание, мировоззрение, рынок труда.

The necessity of cultural education: Current state and prospects

Ju. V. Lobanova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Lobanova, Ju. V. (2020) The necessity of cultural education: Current state and prospects. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 113–118. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-113-118

Received 13 April 2020;
reviewed 13 May 2020;
accepted 13 May 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article explores the reasons for the crisis of cultural studies and the possibilities of overcoming this crisis in the context of the emerging post-industrial society. In particular, it is emphasized that the so-called perestroika and the first post-perestroika decade became the “golden age” in the development of cultural studies. It is suggested that the need for worldview-based disciplines that form a person’s need for a holistic, systemic vision of phenomena and processes arises in periods characterized by irrationality and transition. When culture approves the idea of order, attempts to generalize and synthesize ideas about the world are replaced by a narrow trend which exaggerates the role of scientific and technological progress to the detriment of humanization of society and culture. This is the dangerous trend we are facing now. Therefore, the profession of a culturologist has lost its profile in public consciousness. Meanwhile, the experience of the 20th century shows that a narrow, limited, positivist consciousness of people can lead to global catastrophes. It is suggested that in the foreseeable future the attitude towards cultural science may change due to the formation of a post-industrial society, in which the breadth and heuristic of judgments, the ability to think strategically and build a dialogue between different spheres as well as developing awareness of the specifics of culture will be of value. All these abilities may now be found in people who have a cultural education. It is argued that educational, linguistic, sightseeing, hotel, museum, library and other fields may benefit from hiring a cultural expert. The hope is expressed that with the transition to the post-industrial phase, the attitude towards the humanities and cultural studies in particular will inevitably change for the better.

Keywords: culture, cultural studies, trends, education system, upbringing, worldview, labor market.

Цель данной статьи — исследовать причины, по которым статус специалиста-культуролога на современном рынке труда остается в значительной степени неопределенным, и обозначить перспективы востребованности культурологического образования с учетом движения современного российского общества от индустриального к постиндустриальному состоянию.

В условиях рыночной экономики, базовые механизмы которой были сформулированы еще в XVIII столетии, достижение человеком «собственной выгоды» в виде успешной карьеры, самореализации неизбежно определяется тем, насколько его деятельность отвечает запросам других людей. Казалось бы, это общее, не вызывающее сомнений положение. Однако в России, вовлеченной в систему рыночных отношений сравнительно недавно, не утихает полемика по поводу пределов действия данных принципов: все ли явления вписываются в систему спроса и предложения, каждая ли деятельность может быть трактована как услуга? Пожалуй, наиболее болезненно утвердительный ответ на эти и подобные вопросы сказался

на сфере образования, и прежде всего — на той ее составляющей, которую можно назвать мировоззренческой.

Есть виды деятельности, спрос на которые имеет «витальный» и, следовательно, непреходящий характер. Однако в большинстве случаев степень востребованности того или иного ресурса зависит от особенностей социокультурного контекста, от представлений об успешности и статусности, опирающихся на разнообразные статистические данные и тиражируемые средствами массовой информации. Эффективность того или иного труда в настоящее время оценивается в сугубо прикладном ключе, определяется в количественных показателях, прежде всего — связанных с немедленной экономической отдачей (Лобанова 2017, 68). Сказанное позволяет понять причины того кризиса, в котором находится современное гуманитарное знание, ценность которого проявляется гораздо более сложным, опосредованным образом.

Последнее десятилетие стало драматичным для культурологии: и она сама, и конкретные дисциплины культурологической направлен-

ности неуклонно либо «вымывались» из программ школ и вузов, либо претерпевали существенные сокращения. Примечательна в этом отношении судьба двух школьных предметов, содержащих в своих названиях понятие «культура» и относящихся к мировоззренческим, — «Мировая художественная культура» и «История и культура Санкт-Петербурга»: первая в большинстве учебных заведений если и сохранилась, то была низведена до статуса факультативной, а вторая приобрела выраженный краеведческий характер.

Невозможно не задаваться вопросом, почему такая перспективная, со своей методологией, проблематикой, своим взглядом на мир и безусловным воспитательным значением наука о культуре вдруг оказалась востребованной в меньшей степени, чем в перестроечное или раннее постперестроечное время. Попытаемся дать ответ на данный вопрос также в культурологическом ракурсе, т. е. через поиск параллелей, взаимосвязей, закономерностей. И в мировой культуре, и в культуре отдельных стран периоды относительного порядка, «рацио», сменяются — в силу разных причин — периодами, характеризующимися иррациональностью, хаотичностью, подвижностью. В отечественной истории подобной «энтропийностью» и драматизмом были окрашены, к примеру, 1985–1990-е годы. И именно они стали моментом подъема и расцвета культурологии, поскольку в такие — кризисные — моменты потребность в обобщении представлений о мире, в создании чего-то концептуального, что способно в условиях хаоса сформировать в сознании человека целостную картину мироустройства, — обнажается особенно остро. Культурология с ее установкой на анализ, а не описание, с изначальным допущением наличия связей между многочисленными фактами и явлениями как раз и предлагает такое концептуальное видение процессов.

Особая «ниша» культурологии, ее значение для формирования панорамно-целостного представления о мире во многом обусловлены предлагаемым этой наукой медиальным, срединным уровнем рассуждений, на котором органично стыкуются конкретные факты, памятники и представления о тенденциях, закономерностях, в которые эти факты и памятники укладываются, и плоскостях, в которых они взаимодействуют.

Мировоззренческое значение науки о культуре огромно: можно предположить, что человек, в котором заложена потребность видеть явления во взаимосвязи, перенесет эту потреб-

ность на себя и свою профессиональную деятельность, научится просчитывать последствия собственных действий, будет готов воспринимать национальные и иные отличия как конкретно-исторические проявления масштабного целого — мировой культуры. К тому же нельзя не отметить, что культурология изначально была нацелена на развитие *творческого начала* в человеке, высоко оценивала роль искусства в формировании нравственно-мировоззренческих основ. Неслучайно первые опыты этой науки как элемента системы образования были связаны с развитием именно *художественно-культурологического* направления.

Несмотря на все достоинства культурологии и заложенный в ней образовательно-воспитательный потенциал (еще сравнительно недавно, в начале нынешнего столетия, обсуждались перспективы развития культуроцентричного школьного образования, основанного на привязке содержания различных дисциплин — как гуманитарных, так и точных — к особенностям культуры того времени, когда создавались конкретные литературные тексты или совершались те или иные научные открытия), в последние годы, как уже было отмечено, ее возможности не востребуются в должной мере.

Следует подчеркнуть, что вместе с ослаблением позиций культурологии в системе образования на второй план отошла и идея его гуманитаризации, которая в энциклопедии постперестроечного времени определялась как «система мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и т. о. на формирование личностной зрелости обучаемых» (Зинченко 1993, 239–240).

Конечно, можно было бы объяснить столь неблагоприятную для науки о культуре тенденцию какими-то «прикладными» вещами, например необходимостью распределять ограниченное количество часов между разными предметами, отсекая те из них, которые кажутся избыточными, не имеющими прямого отношения к получаемой специальности (если речь идет о вузе). Однако за этими внешними проявлениями скрываются более глубокие основания, связанные с наличием в культуре тех ритмов, о которых шла речь выше: за периодами кризиса и структурной перестройки неизбежно наступает этап, характеризующийся доминированием идеи порядка. В начале XXI века отечественный социокультурный контекст существенно рационализировался, обрел более внятные очертания, а в такие периоды научная, и не только научная, мысль начинает

демонстрировать склонность не к обобщениям, а к систематизации, конкретизированию, исповедовать принцип узкой специализации, прямо противоположный базовым установкам культурологии.

В отечественной истории уже встречались периоды проявления ярко выраженных установок на рациональность. Такой была, к примеру, вторая половина XIX века, когда в нашей стране, так же как в Западной Европе и США, сформировалась тенденция к отождествлению прогресса с достижениями прежде всего в научно-технической сфере. Подобный технократический, узко-прикладной взгляд на культуру, навязывавшийся людям той эпохи, имел, как известно, трагические последствия, главные из которых — две мировые войны, отделенные друг от друга двадцатилетием, на протяжении которого так и не произошло смены научно-технической парадигмы на гуманитарную.

Вероятно, нельзя сказать, что последствия недооценки гуманитарной составляющей всегда имеют столь фатальный характер, но нельзя вместе с тем не отметить, что судьба человечества во многом будет зависеть от того, насколько люди научатся осознавать мир в его целостности, воспринимая многообразие как одно из ее проявлений. Кроме того, узкоспециализированное научное знание предполагает соответствующий — функционально опосредованный — взгляд на человека, тогда как общество может гармонично развиваться, только если оно базируется на интересе ко всем аспектам человеческого бытия: повседневности, праздникам, ценностям, нравственным ориентирам и т. д.

Если тринадцать лет назад у одного из ведущих культурологов России А. М. Мосоловой были основания ссылаться во введении к изданию работы «Культурологические основы современного образования» на Концепцию модернизации российского образования, утвержденную в декабре 2001 года, и подчеркивать ее личностно-ориентированную направленность (Мосолова, Черва, Безгрешнова 2006, 5), то уже в 2015 году тот же автор вынужден был констатировать, что при смене федеральных государственных образовательных стандартов ранее базовая и обязательная для вузов дисциплина «Мировая художественная культура» была заменена более узкой «Всеобщей историей искусств» — «крайне дезинтегрированной дисциплиной, формирующей у студентов фрагментарные представления об истории художественно-образного человекознания и об искусстве как самосознании культуры. Общеобразовательные курсы МХК для разных

гуманитарных и негуманитарных специальностей пошли на убыль» (Бабияк, Мосолова 2015, 131).

В определенной степени культурология и связанный с ней комплекс учебных дисциплин незаменимы. Только эта наука дает панорамное, широкое понимание культуры как «второй природы», включающей в себя взаимодополняющие пласты: материальный, духовный, художественный, социальный, тем самым расширяя горизонты сознания формирующейся личности. Это понимание, присущее лишь тем, у кого была возможность приобщиться к методологии, теории и истории культуры, тем не менее никогда не перестанет быть востребованным хотя бы потому, что, согласно закону РФ «Об образовании», «содержание образования должно обеспечивать: адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры общества; формирование у обучающихся адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы картины мира; интеграцию личности в национальную и мировую культуру (статья 14)» (цит. по: Мосолова, Черва, Безгрешнова 2006, 7).

Культурологическое образование, прививающее потребность к обнаружению взаимосвязей между явлениями, можно назвать фундаментальным. Оно позволяет выпускникам реализовывать свои возможности в разных сферах и, что, пожалуй, еще важнее, — *на стыках* разных сфер. Культуролог — оптимальная кандидатура для работы в музее, библиотеке, туризме, во всех областях, связанных с межкультурной, межнациональной коммуникацией. Как показывает опыт, приобщение к гуманитарному знанию в его культурологической версии создает стратегов, которым тесно в границах узкой специализации, и поэтому они стремятся превратить и музей, и библиотеку в «очаг культуры» в полном смысле этого слова.

В качестве примера подобного опыта можно привести деятельность Юлии Мартинкенайте, работающей в Центральной районной библиотеке им. Н. В. Гоголя. Изменения в библиотеке, начавшиеся в 2013 году и, таким образом, совпавшие с приходом на работу новой сотрудницы (по образованию — культуролога-скандинависта, выпускницы факультета философии человека РГПУ им. А. И. Герцена), очевидны и многократно освещались в средствах массовой информации. При осуществлении реконструкции был использован опыт Финляндии — одной из стран, чью культуру Ю. Мартинкенайте глубоко освоила во время обучения: «Мы ориентировались на Финляндию — благо, она совсем рядом. Там прекрасная библиотечная культура,

много вдохновляющих инициатив. И сотрудники библиотеки, и наши дизайнеры-архитекторы (бюро KIDZ) специально изучали финский опыт» (Рапопорт 2016).

Вместо понятия «библиотека» по отношению к данному месту все чаще используются обозначения «просветительское арт-пространство» или «культурный центр». При этом необычайно важно, что само слово «культура» в устах человека, обучавшегося на кафедре теории и истории культуры, отнюдь не является синонимом сферы досуга. В одном из интервью Ю. Мартинкенайте подчеркивала: «Главная задача — привлечь в библиотеку молодых людей, не потеряв при этом более зрелого читателя. Стать местом, куда люди хотят прийти, чтобы провести свое свободное время *в общении с культурой* (курсив мой. — Ю. Л.)» (Рапопорт 2016).

Культурологический взгляд на мир, противопоставляющий традиционной описательности разговор на качественном уровне, звучит и в следующих словах: «Да, количественные показатели — посещаемость, выдача книг — после обновления увеличились, но не это главное. Мне важнее всего качественные перемены» (Рапопорт 2016).

Приведенный пример — один из многих, свидетельствующих о предрасположенности людей с культурологическим мышлением к проектной, эвристичной деятельности. Как известно, для постиндустриального общества, складывающегося на наших глазах, особое значение имеет «индустрия» идей, знаний, которую невозможно внедрить без участия высокоэрудированных людей, способных к широкому, панорамному, системному мышлению, в полной мере осознающих, что развитие и человека, и отдельного учреждения, и города в целом не только может, но и должно иметь культуроцентричный характер.

В какой бы области ни работал культуролог — образовательной, языковой, экскурсионной, музейной, издательской, — он неизбежно будет стремиться выйти за ее рамки, вписать предмет своей деятельности в контекст взаимосвязанных явлений, выстроить диалог с ними. Эта особенность, в совокупности с рядом дру-

гих, позволяет отнести культурологов к тому типу специалистов, роль которых в ближайшем будущем будет возрастать.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что современное состояние культурологии является кризисным, что объясняется многими причинами, но в первую очередь — недооценкой роли гуманитарной компоненты в развитии современной российской экономики и ориентацией общества на решение предельно конкретных задач, которые воспринимаются как приоритетные в рамках той или иной сферы деятельности. Однако представляется, что путь узкой специализации, уже не раз демонстрировавший свою несостоятельность и даже опасность, будет преодолен тенденцией постепенного перехода к новой — постиндустриальной — цивилизации, когда наиболее эффективными и востребованными будут специалисты, способные действовать на медиальном уровне, соединяя эмпирическую данность с широким контекстом, наблюдение — с обобщением, единичное — с целостным. Данный уровень мышления отвечает базовым для данной фазы развития требованиям инновационности, конкурентоспособности, знаниевости, и он же в полной мере соответствует взгляду на мир, формируемому культурологическим образованием. Главные находки и достижения будут возникать на стыке разных видов человеческой активности, на пересечении информационных потоков и непрерывающегося диалога культур, т. е. на платформе, которую на данный момент освоила, сделала своей только культурология.

Таким образом, есть основания полагать, что значение культурологической мысли, культурологического образования под влиянием постиндустриальных тенденций будет переосмыслено. Культурология с ее сосредоточенностью на человеке, его взаимоотношениях с природой, обществом, самим собой (Мосолова, Черва, Безгрешнова 2006), с ее мощным мировоззренческим потенциалом подтвердит свое право считаться одним из важнейших ресурсов, сопричастность которому будет восприниматься как залог профессиональной и личностной состоятельности.

Литература

- Бабияк, В. В., Мосолова, Л. М. (2015) Мировая художественная культура в российском образовании (от периода «оттепели» до современности). *Общество. Среда. Развитие*, № 4, с. 128–131.
- Зинченко, В. П. (1993) Гуманитаризация образования. В кн.: В. В. Давыдов (ред.). *Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–М*. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 239–240.

- Лобанова, Ю. В. (2017) Мировоззренческое значение науки о культуре. В кн.: *Культурологическое просветительство в современной России: Сборник научных статей участников круглого стола X Кагановские чтения (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 18 мая 2016 г.)*. СПб.: Астерион, с. 64–70.
- Мосолова, Л. М., Черва, В. Е., Безгрешнова, А. М. и др. (2006) *Культурологические основы современного образования. Элективные курсы в профильном обучении. Учебно-методические комплексы для социально-экономического, филологического, социально-гуманитарного, художественно-эстетического профилей*. СПб.: «СМИО Пресс», 264 с.
- Рапопорт, А. (2013) «Третье место», или Новое лицо старой библиотеки: интервью с Ю. Мартиненайте. *Папмамбук*, 23 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2019/> (дата обращения 31.03.2020).

References

- Babiyak, V. V., Mosolova, L. M. (2015) *Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura v rossijskom obrazovanii (ot perioda "otpepli" do sovremennosti)* [World art culture in the Russian education (from the "thaw" period to the present day)]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie — Society. Environment. Development*, no. 4, pp. 128–131. (In Russian)
- Lobanova, Yu. V. (2017) *Mirovozzrencheskoe znachenie nauki o kul'ture* [Worldview significance of the science of culture]. In: *Kul'turologicheskoe prosvetitel'stvo v sovremennoj Rossii: Sbornik nauchnykh statej uchastnikov kruglogo stola X Kaganovskie chteniya (Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 18 maya 2016 g.)* [Cultural enlightenment in modern Russia: Collection of scientific articles by participants of the roundtable 10th Kaganovsky readings (Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 18 May 2016)]. Saint Petersburg: Asterion Publ., pp. 64–70. (In Russian)
- Mosolova, L. M., Cherva, V. E., Bezgreshnova, A. M. et al. (2006) *Kul'turologicheskie osnovy sovremennogo obrazovaniya. Elektivnye kursy v profil'nom obuchenii. Uchebno-metodicheskie komplekсы dlya sotsial'no-ekonomicheskogo, filologicheskogo, sotsial'no-gumanitarnogo, khudozhestvenno-esteticheskogo profilej* [Cultural foundations of modern education. Elective courses in specialized training. Educational and methodological complexes for socio-economic, philological, socio-humanitarian, artistic and aesthetic profiles]. Saint Petersburg: "SMIO Press" Publ., 264 p. (In Russian)
- Rapoport, A. (2013) "Tret'e mesto", ili Novoe litso staroj biblioteki: interv'y u s Yu. Martinkenajte ["Third place", or the New face of the old library: An interview with Yu. Martinkenajte]. *Papmambook — Papmambook*, 23 March. [Online]. Available at: <https://www.papmambook.ru/articles/2019/> (accessed 31.03.2020). (In Russian)
- Zinchenko, V. P. (1993) *Gumanitarizatsiya obrazovaniya* [Humanitarization of education]. In: V. V. Davydov (ed.). *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya [Russian pedagogical encyclopedia]: In 2 vols. Vol. 1. A–M*. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., pp. 239–240. (In Russian)

Сведения об авторе

Юлия Владимировна Лобанова, e-mail: yuliya_lobanova@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Julia V. Lobanova, e-mail: yuliya_lobanova@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia